

К 70-летию со дня рождения Всеволода КОЧЕТОВА

4 февраля — 70 лет со дня рождения Всеволода Анисимовича Кочетова [1912—1973]. Известный советский писатель и публицист, он посвятил свое творчество людям труда, науки, партийным работникам. Читателям хорошо знакомы его романы «Журбины», «Братцы Ершовы», «Секретарь обкома» и другие произведения. В своих книгах писатель обращается к острому, злободневным вопросам нашей современности.

Отмечая юбилей В. А. Кочетова, «Литературная Россия» публикует сегодня заметки Семена Бабаевского, в которых раскрываются некоторые существенные грани характера, личности, творческих устремлений В. А. Кочетова — писателя, публициста, редактора, и статью критика Петра Строкова о ранних произведениях писателя.

Петр СТРОКОВ

О РАНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВТОРА «ЖУРБИНЫХ»

Всеволод Кочетов входил в литературу в ряды того поистине героического поколения советских писателей, первые книги которых рождались в огне Отечественной войны. При всей общности судеб этих писателей вступление каждого из них на литературную арену и дальнейшее развитие отличались неповторимым индивидуальным своеобразием. Творческий путь В. Кочетова с самого начала был не из тех, что «протоптанной и легкой».

Ранние произведения молодого писателя прошли почти незамеченными критикой, а те, что были замечены, подверглись основательной «пророботке». Так, в начале 50-х годов опубликованы две довольно обстоятельные рецензии на «деревенские» повести В. Кочетова и его роман «Товарищ агроном». Если верить этим рецензиям, автор крайне «слабых книг» пишет о колхозной деревне, а имеет о ней самое «поверхностное» представление...

Мягко говоря, преувеличили рецензенты литературные несовершенства повестей и первого романа В. Кочетова, иначе откуда было взяться такому чуду: не успевая высохнуть типографская краска на страницах того номера журнала, в котором опубликована «разносная» статья о «Товарище агрономе», как ленинградский журнал «Звезда» начал печатать «Журбины», а это (что с годами становится все очевидней) уже классика.

Недавняя публикация на страницах «Молодой гвардии» ранней повести В. Кочетова «Начало песни» (1936) внесла существенные коррективы в наши представления о формировании творческого облика писателя. Хотя это произведение далеко не совершенно, однако уже в нем автор заявил себя как реалист, устремленный к темам большой социальной значимости. В повести рассказана история разгрома эсеровско-белогвардейского мятежа против Советской власти, только что утвердившейся в одном из губернских городов России. Самая ранняя повесть писателя является отдаленной предшественницей романа «Угол падения» с его идеей неизбежности полного краха любых сил реакции, поднимающих руку на завоевания социалистической революции.

В те же 30-е годы В. Кочетов пишет несколько остросюжетных рассказов («Скорпион», «Половодье» и др.), посвященных жизни советского села. В них также чувствуется художник-реалист, глубоко знающий колхозную новь, быт и нравы деревни. Казалось бы, достигнув известиных творческих успехов, следовало идти дальше, тем более что к своим двадцати пяти годам В. Кочетов уже имел за плечами солидный жизненный опыт. В юности рабочий судостроительной верфи, после учебы в техникуме агроном, одно время даже главный агроном и директор совхоза, затем научный сотрудник опытной сельскохозяйственной станции — с такой трудовой биографией можно было сказать людям немало интересного и значительного. Однако после упоминания в рецензии и рассказов лет пять-шесть В. Кочетов почти ничего не пишет в жанрах художественной прозы. Возникает вопрос: почему?

ВОСХОЖДЕНИЕ К МАСТЕРСТВУ

Причины могли быть разными, но, думаю, главная состояла в том высоком чувстве ответственности, с каким относился он к любому делу, за которое брался. Это качество В. Кочетова хорошо известно всем, кому доводилось с ним жить и работать. Видимо, первые пробы пера (детское и юношеское стихотворчество не в счет) не удовлетворили его самого. Именно в этот период он с особой остротой почувствовал, что одно желание писать, даже когда есть о чем писать, — это еще далеко не все. Нужны глубокие, разносторонние знания и владение «техникой» литературного труда.

Лекции и семинары в Литературном университете при Ленинградском отделении Союза писателей были для В. Кочетова лишь началом, а далее он пошел по тому плодотворному пути, который называется систематическим самообразованием. Учился много, упорно, по-горючски — всю жизнь. О широте познаний писателя в период его творческой зрелости свидетельствуют многие деятели культуры, близко знавшие его.

Он даже улыбался как-то излишне скромно, словно бы боялся, что улыбка его будет кем-то не так понята.

Далее следует указать на такие черты, как трудолюбие, верность долгу, бескорыстие. Была в нем и самая значительная черта, которая придавала характеру особый оттенок, — это принципиальность во всем, в малом и в большом, и которая лучше всего показывает отношение писателя и к социалистическому строю, и к социалистическому реализму как творческому методу. И к этому смело можно добавить: Всеволод Кочетов был тем человеком, с которым можно не задумываясь идти и в разведку, и хоть на край света — не подведет, не оставит в беде.

И еще в целом его характер было то, что называют нестигаемостью души. Он презирал лезть — всякую, где бы и в ком бы она ни проявлялась, — и не умел ни лебезить, ни мнать, подражая моде, свое мнение и убеждение. Он не мог сегодня думать так, а завтра иначе, то есть не умел делать то, что выгодно делать в данное время.

Впервые с Кочетовым я познакомился в 1954 году, когда он, будучи главным редактором «Литературной газеты», телеграммой вызвал меня из Пятигорска и предложил поехать за рубеж в качестве собственного корреспондента «ЛГ». Я согласился. А после возвращения мне довелось несколько лет работать с ним, как говорится, в одной упряжке и рука об руку: он тогда был главным редактором журнала «Октябрь», а я — членом редколлегии. Встречались мы и по долгу службы, и просто так, часто, и здесь, в «Октябре», постоянно видя, как главный исполнитель свои обязанности, я раскрыл еще одну примечательную черту в характере Всеволода Кочетова. Она, эта черта, приносила ему немало огорчений и много радости, и

назвать бы ее следовало человеческим. Это человеческое проявлялось во всем — в делах значительных и в делах второстепенных, и чаще всего, разумеется, в отношении к авторам журнала. Были у него в этом и неудачи, обидные и горестные, и были настоящие удачи, приносившие ему большую радость.

Как известно, автор — это не абстрактная фигура, а живой, требующий к себе внимания человек. Автор, и об этом Всеволод Кочетов всегда помнил, — это рукопись, которая принесена в журнал с надеждой и верой, что она будет прочитана доброжелательно, одобрена и напечатана. Наверное, по своему личному опыту зная, что в папке рядом с исписанными страницами всегда находится душа автора, которая страдает, ждет, надеется, Всеволод Кочетов не переставал говорить о внимании к автору, к рукописи.

— Рукопись — существо живое, нежное, легкоранимое, — говорил он, улыбаясь своей стеснительной улыбкой. — Поэтому к рукописи надобно относиться не только внимательно, а и бережно, с любовью.

Сам же Всеволод Анисимович в этом отношении служил примером для подражания. На своем веку мне довелось встречать и таких главных редакторов, которые не утруждали себя чтением чужих рукописей, им хватало вдоволь и своих, и перепоручали это нелегкое занятие своим заместителям. Да и кому хочется читать чужие сочинения, думать над ними, вникать в смысл написанного? Всеволод же Кочетов, и это могут подтвердить многие, увозил на машине к себе на дачу десятки романов и повестей, а через некоторое время привозил их уже прочитанными. Он читал чужие рукописи так же внимательно, как и свои, и не только читал, а и размышлял над прочитанным и делал на полях заметки, то рода пометки и замечания, то шутливые, то доброжелатель-

ные, а то и такие, над которыми необходимо было призадуматься.

Хелая показать хотя бы прилблизительно, какие же это были пометки и замечания, я приведу лишь несколько примеров — для наглядности. (Эти кочетовские пометки и замечания сохранились в моей записной книжке, куда я их, любопытства ради, занес давным-давно.) Вот они: «Ай, да молодец! Прекрасно! Хвалю!»; «Нет, нет, волк не гонится, тут нужен иной зверь»; «Да, друзья обнимаются хорошо, по-братски, а слова «ты, черт!» — не годятся, не к месту. Советую убрать»; «Вот здесь и есть начало повести — лучшее не придумать! Все, что написано до этого, — лишнее» и тому подобное.

Сегодня, когда Всеволода Анисимовича нет рядом с нами, приходится лишь сожалеть, что в свое время эти примечательные кочетовские пометки и замечания на полях прочитанных им рукописей не были бережно собраны и сохранены. По ним же можно было бы написать кандидатскую диссертацию на тему «Редактор и автор», а также легко и безошибочно судить о достоинствах души талантливого писателя, говорить о нем не только как о мастере слова, но и как о наставнике.

А был ли Всеволод Кочетов лично моим редактором? Да, был дважды. Разумеется, не тем редактором, которого в обиходе именуют «рабочим» — он обычно не внимательным читается в текст и пристально присматривается к таким словам и к таким фразам, которые, как он полагает, необходимо либо изменить в интересах дела, либо перестроить, улучшить. Всеволод Анисимович был, я сказал бы, редактором-советчиком, редактором-консультантом, что ли.

Как раз в те годы, когда он был главным редактором «Октября», я написал и опубликовал в журнале два романа — «Родимый край» и «Белый свет». Оба эти романа Всеволод Ко-

четов читал в рукописи и так же, по своей привычке, оставил на страницах пометки и пожелания — для автора и для «рабочего» редактора. «Прошу хорошенько поразмыслить!», — сказал он. Однако не пометки на полях страниц запомнились мне. Самое существенное, так сказать, вмешательство главного редактора журнала в мою работу проявилось не в тексте, а в самой сути романа, то есть в их содержании и в том, как они были сделаны. Наши литературные собеседования были продолжительными и дружескими, в самом тоне Всеволода Анисимовича слышалось его заинтересованность в том, чтобы мои сочинения стали еще лучше, а также его доброжелательность и свойственная ему тактичность.

Известно, что никому и никогда он не навязывал свое мнение. Он лишь советовал, рекомендовал подумать, просил попробовать что-то переработать, перестроить, что-то изменить, улучшить. И советы эти были не вкусовыми (не по принципу: мне это нравится, а это мне не нравится), а исходили они от мастера, который знал, что советовать и для чего советовать.

Таких сугубо писательских, дружеских советов мне пришлось выслушать немало, а пересказать их все невозможно, да и незачем — для этого нужен особый разговор. Я приведу как пример лишь некоторые из них. Да и то по памяти, ибо я уже не помню (не думал, что пригодится, и не записал), как и какими словами эти советы были высказаны, и поэтому передаю их общий смысл.

Общий же смысл советов сводился к тому, что, например, в романе «Родимый край» Всеволод Анисимович обратил мое внимание на то, как я описал главную героиню, телеграфистку Евдокию Ильиничну Голубкову, и как описал ее сына, тракториста Илью. Он спросил, почему так случилось, что для Евдокии Ильиничны автор нашел и точные слова, и нужные краски, и

сдержанность. Читатель видит Евдокию Ильиничну и как она сидит на лавке в своей хате, как и во всякие дни, на его болезненное лицо была застенчивая улыбка, казалось, он стыдился того, что сам уже не мог достать папки до машины. И так же, как и раньше, через некоторое время привозил рукописи обратно, прочитанные, с пометками и замечаниями на полях страниц.

Он не только умел внимательно читать почти все, что присылалось в «Октябрь», не только всегда по-дружески относился ко всем, кто приходил к нему, но и был человеком удивительно общительным и гостеприимным. В Переделкине, у него на даче, постоянно были гости. Одни приезжали по приглашению, другие сами находили к нему дорогу, заявлялись как снег на голову, и отношения к гостям у него были одинаково, ровные. Однако больше всего он любил, когда к нему приезжала вся редколлегия вместе с сотрудниками журнала, и тогда прибавлялось хлопот у хозяйки дома Веры Андреевны.

— Ну, теперь мы можем провести расширенное заседание, — шутил он, говорил он. — И победим как следует, и поговорим влады.

...Он уже был тяжело болен, ходил с палкой, слегка прихрамывая, а к «Октябрю» и к авторам журнала оставался прежним, неизменным Всеволодом Кочетовым. Так же, как и всегда, он увозил с собой для чтения чужие рукописи, только те-

перь этот груз нести помогали либо шофер, либо кто-то из сотрудников журнала. Так же, как и во всякие дни, на его болезненное лицо была застенчивая улыбка, казалось, он стыдился того, что сам уже не мог достать папки до машины. И так же, как и раньше, через некоторое время привозил рукописи обратно, прочитанные, с пометками и замечаниями на полях страниц.

Он не только умел внимательно читать почти все, что присылалось в «Октябрь», не только всегда по-дружески относился ко всем, кто приходил к нему, но и был человеком удивительно общительным и гостеприимным. В Переделкине, у него на даче, постоянно были гости. Одни приезжали по приглашению, другие сами находили к нему дорогу, заявлялись как снег на голову, и отношения к гостям у него были одинаково, ровные. Однако больше всего он любил, когда к нему приезжала вся редколлегия вместе с сотрудниками журнала, и тогда прибавлялось хлопот у хозяйки дома Веры Андреевны.

— Ну, теперь мы можем провести расширенное заседание, — шутил он, говорил он. — И победим как следует, и поговорим влады.

...Он уже был тяжело болен, ходил с палкой, слегка прихрамывая, а к «Октябрю» и к авторам журнала оставался прежним, неизменным Всеволодом Кочетовым. Так же, как и всегда, он увозил с собой для чтения чужие рукописи, только те-

перь этот груз нести помогали либо шофер, либо кто-то из сотрудников журнала. Так же, как и во всякие дни, на его болезненное лицо была застенчивая улыбка, казалось, он стыдился того, что сам уже не мог достать папки до машины. И так же, как и раньше, через некоторое время привозил рукописи обратно, прочитанные, с пометками и замечаниями на полях страниц.

В один из таких коллективных приездов мы сидели вокруг стола, а Всеволод Анисимович полулежал на кровати, рядом, и лицо у него было болезненным и грустным. Мы понимали, как ему тяжело было разговаривать с гостями. Но он как-то незаметно входил в общий разговор, обращался то к шутке, то к какой-то смешной истории.

Мы распрощались поздно вечером и уехали в Москву. Стояла сырая московская осень, моросил дождь со снегом, и в ту сысную октябрьскую ночь, покидая руку Всеволода Кочетова, я и подумать не мог, что вижу его в последний раз.

...Ну, а что же еще было в нем? Были, разумеется, и недостатки, тоже свои, кочетовские. У кого их нет, недостатков. Однако сегодня речь не о них. Еще во Всеволоде Кочетове было какое-то не внешнее, а внутреннее, глубоко скрытое от людских глаз благородство, интеллигентность, и была, я сказал бы, вера во что-то свое, святое, им выстраданное. И еще было в нем то, что именуются партийностью, — и в делах, и в жизни. И в сердце у него хранилось все то хорошее, все то человечески доброе, что украшало его незаурядную натуру.

Неубывающей популярностью пользуется кинокартина «Большая семья» по роману В. Кочетова «Журбины». Кадр из фильма: Александр Басманов (Н. СЕРГЕЕВ), Илья Журбин (Б. АНДРЕЕВ).

ком, наскрабли семена. И начали сеять...

Всю весну и лето трудились день и ночь, не покладая рук, несли жертвы от артиллерийского огня и авиации противника, но уже ранней осенью по реке пошли первые баржи, нагруженные свежими овощами, выращенными для ленинградцев колхозом, так и названным «Возрождение».

В становлении В. Кочетова как художника эта небольшая повесть имела принципиальное значение. Главный герой «Предместья» — индивидуально-неповторимая личность и в то же время он несет в себе многие существенные черты, характеризующие подлинно большевистский дух и стиль руководства. Писатель успешно начинает овладевать принципами реалистической типизации и индивидуализации.

Написанная в разгар войны, повесть «Предместье» явилась своего рода мостом к тем произведениям В. Кочетова первого послевоенного пятилетия, которые посвящены героическому труду советских людей по восстановлению разоренного и поуровненного иноземным нашествием. Необходимо подчеркнуть, что эти произведения выгодно отличаются от иных повестей и романов того времени, которые впоследствии наша критика не без оснований будет упрекать в приукрашивании и «лакировке» действительности.

В своих «деревенских» рассказах, повестях и романе «Товарищ агроном» писатель пока-

зывает суровую правду времени: села, побывавшие под тяжелой пятой фашистских захватчиков, выжжены дотла, да и прифронтовые тоже надо отстраивать — не заново, пахотные земли запущены, истощены, поросли осотом и бурьяном; оставшаяся скудная техника изношена до предела; трудовых рук не хватает — и потому, недожая, недосыпая, люди работают до изнеможения. Зато как работают, особенно вчерашние солдаты, истосковавшиеся по мирному труду! Горячо, вдохновенно, с великой любовью к матушке-земле. Поэтизация труда ощутима уже в «Предместье». В новых вещах В. Кочетова она становится художественной задачей первоестественной важности.

От одного произведения к другому растет мастерство писателя. В «Профессоре Майборода» достигается более глубокое проникновение в духовный мир главного героя, в «Товарище агрономе» — изображение характеров в развитии, в «Нево-озере» идет своеобразный эксперимент по освоению «алмазного языка» народа. Кстати сказать, дружная, сплоченная семья Вороных из «Нево-озера» во многом предвещает семью Журбиных. И хотя «ковчег» ладжонских рыбаков, конечно, еще не имеет той обобщающей силы и художественной значимости, которые свойственны «ковчегу» корабельщиков на реке Ладе, однако сам Кузьма Воронин «крепкий, широкий, плотный, как «серый валун-камень» на бы-

стрине», — по своей эпической ценности и монументальности под стать старшему поколению Журбиных. А друг дома Вороных — овеянный славою лучшего ладожского корабельщика Илья Асафьев — очень скоро надел бы с Журбиными и общий профессиональный язык.

Эта «перекличка» образов не случайна. Упорно преодолевая трудности в овладении формой романа, В. Кочетов писал «Товарища агронома», почти одновременно с ним — «Нево-озеро», а в душе уже созрел замысел романа о ведущей силе советского общества — рабочем классе.

Все сказанное здесь не означает, что ранние произведения В. Кочетова лишены недостатков. Но в данном случае для нас важна ведущая тенденция в развитии писателя, а она состоит в том, что он неизменно шел вперед, завоевывая один творческий «плацдарм» за другим. На II Всесоюзном съезде писателей (1954) в докладе «О советской художественной прозе» К. Симонов справедливо отметил, что за несколько лет В. Кочетов от повести «Предместье» до романа «Журбины» прошел большой и плодотворный путь.

Появления «Журбиных», вошедших в золотой фонд советской литературы, было подготовлено всей предшествующей жизнью и творчеством замечательного художника-коммуниста.